

РОЛЬ РЕЛИГИИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ¹

М. С. Стычинский

Государственный академический университет
гуманитарных наук (ГАУГН)

Поступила в редакцию 23 июня 2020 г.

Аннотация: в статье исследуется место религии в обществе в разрезе процессов формирования коллективной памяти. Показано, что в исторической ретроспективе значимость религии как общественного института претерпела серьезные изменения. Если для традиционных обществ характерно наличие подобного тесного сопряжения, то в дальнейшем, при переходе к индустриальному обществу, конфессиональная составляющая в социальных процессах уже не играла прежней роли. В частности, отдельное внимание в работе уделяется исследованию процессов мировой секуляризации и глобализации, обусловивших выход государственных структур на позиции основных интерпретаторов истории и «творцов» коллективной памяти. В то же время отмечается, что с переходом человечества к состоянию постсекуляризации, во многом обусловленному реакционными процессами мирового сообщества в условиях глобализации, религиозные институты частично возвращают себе утраченные позиции в обществе, включаясь в механизмы мемориализации. В статье также показано, что одним из основных факторов актуализации значимости традиции и, как следствие, религии в современном обществе является возникший в качестве следствия разворачивания глобализационных процессов кризис идентичности.

Ключевые слова: коллективная память, религия, секуляризация, постсекуляризация, глобализация.

Abstract: the article explores the place of religion in society in the context of the processes of formation of collective memory. It is shown that in the historical retrospect the significance of religion as a public institution has undergone serious changes. If traditional societies are characterized by the presence of such close conjugation, then later, during the transition to industrial society, the confessional component in social processes no longer played the previous role. In particular, special attention is paid to the study of processes of world secularization and globalization, which determined the emergence of state structures in the position of the main interpreters of history and the "creators" of collective memory. At the same time, it is noted that with the transition of mankind to a post-secularization state, largely due to the reactionary processes of the world community in the context of globalization, religious institutions partially regain their lost positions in society, including in memorialization mechanisms. The article also shows that one of the main factors in updating

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта проведения научных исследований («Проблема коллективной памяти в эпистемологическом и политико-культурном измерениях»), проект № 19-18-00371.

the significance of tradition and, as a consequence, religion in modern society is the crisis of identity that arose as a result of the unfolding of globalization processes.

Key words: *collective memory, religion, secularization, post-secularization, glocalization.*

Любое общество как социальный организм обладает универсальным набором базовых элементов, наполнение которых, в свою очередь, определяет его уникальность и отличие от других подобных социальных образований. Помимо культуры, выступающей в качестве своего рода основы жизни социума, одну из наиболее важных ролей также играет память, являющаяся неотъемлемым спутником различных социальных практик на всём протяжении истории его существования. Коллективная память проявляется совершенно в различных областях жизни общества, пронизывая его невидимой, но при этом структурообразующей нитью через различные формы: мифы, обряды, религию, исторические хроники, праздники и другие элементы традиции.

Несмотря на свою инвариантность как феномена культуры, можно проследить наличие изменений в форме и содержании коллективной памяти в различные исторические периоды. Во многом данное обстоятельство является следствием наличия вариативности способов формирования картины мира, конструирования мировоззренческих структур, легитимизирующих преобладание в обществе тех или иных форм властных отношений. Таким образом, мы можем предположить наличие различных типов коллективной памяти в зависимости от сменяющихся этапов развития человечества.

Религиозные общества и коллективная память

Одним из наиболее действенных механизмов сохранения и поддержания устойчивости социальной группы является обращение к сакральному опыту, в том числе через воспроизводство различных религиозных обрядов. Следует отметить, что подобные коллективные практики, актуализирующие в сознании индивида связь с традицией, ощущение причастности к истории, в значительной степени направлены на консолидацию социального организма.

При этом механизмы конструирования коллективной памяти религиозных сообществ по своей форме идентичны механизмам других социальных образований, опирающихся на необходимость установления связи с прошлым, подчеркивающей наличие преемственности, неизменности и значимости в историческом контексте, о чем говорил французский социолог М. Хальбвакс [1, с. 233]. С этой целью в религиозных сообществах происходит нивелирование возникающих различий с предыдущими периодами, что, в свою очередь, позволяет решать задачи сохранения и поддержания идентичности и целостности социального организма. По причине подобного конструирования, искусственного создания мемориальных конструкций, память оказывается оторванной от реальных исторических событий.

Такого рода искажения свойственны также социальной и индивидуальной памяти, для которых зачастую характерно игнорирование исторического контекста [там же, с. 67]. Таким образом, в деятельности религиозных сообществ прослеживается практика игнорирования или замалчивания неудобных, спорных исторических фактов, создающих потенциальную угрозу сохранения целостности общества. В этом плане религиозные сообщества по причине своей догматичности в вопросах исторической памяти носят деструктивный характер с точки зрения соблюдения историчности [2, с. 23]. Справедливо будет отметить, что подобное конструирование коллективной памяти не является специфической чертой религиозных сообществ, а характерно для любой структуры, целью деятельности которой является консолидация общества, а также собственная легитимизация.

Однако при сравнении механизмов конструирования коллективной памяти со стороны религиозных и светских организаций выявляется одно серьезное отличие. Обращаясь к структуралистской концепции французского социолога П. Бурдьё, можно отметить, что религиозные организации путем монополизации права на выстраивание отношений с трансцендентным, получают общественное признание в качестве «эксклюзивных носителей» особых компетенций, необходимых для производства сакральных знаний и интерпретаций исторических событий. Таким образом, из данного процесса исключаются все остальные участники, получающие, таким образом, статус «профанов», выполняющих роль потребителей созданной религиозными организациями информации, включая конструкции коллективной и исторической памяти [3, с. 20].

Следует также отметить, что для религиозных сообществ, помимо совершения определенных ритуалов, направленных на сохранение связи с прошлым и поддержания общего чувства причастности к сакральному, характерно и специфическое религиозное поведение индивидов. Подобные религиозные практики сохраняют свою значимость исключительно в рамках коммуникативных актов внутри религиозного сообщества [4, с. 148].

Мировая секуляризация

Ситуация принципиально меняется в связи с появлением в мире процессов секуляризации, глобализации и информатизации. Под секуляризацией в рамках данного исследования понимается «освобождение от церковного влияния (в общественной и умственной деятельности), усиление светского начала в культуре» [5]. Или иначе – процесс нивелирования роли религии в общественной жизни, замена религиозной традиции рациональными моделями общественного устройства. В условиях секуляризации религия не исчезает полностью, а из крупной и значимой социальной системы трансформируется в одну из подсистем-регуляторов общественной жизни, отвечающей за профильные вопросы.

В XX в. широкое распространение среди представителей западной социологии и философии получили идеи секуляризации, берущие свое на-

чало в работах немецкого исследователя М. Вебера, по мнению которого, начиная с XVI в. в цивилизованных странах центральное мировоззренческое место занимает тезис о возможности объяснить все явления окружающего мира исходя из разума. Данный процесс «расколдовывания» мира и доминирования в познании «рацио» М. Вебер и обозначил словом «секуляризация» [6]. Приблизительно в 1950–1960 гг. теория секуляризации была интегрирована в общую теорию модернизации, предполагавшей развитие технологий, индустриализацию, расширение границ рынка, в связи с чем религия смещалась на периферию общественного сознания. По мнению некоторых исследователей, на практике секуляризация для отдельных людей выражалась в снижении значимости, роли и сокращении выделяемого для соблюдения религиозных норм времени, тогда как в общественной сфере происходили нивелирование институтов религии и их замещение эмпирическим и рациональным [7, с. 132].

Важным следствием процесса секуляризации также стала эмансипация государством образования, что в рамках исследования вопросов производства содержательного наполнения для коллективной памяти представляет особое значение. Следствием секуляризации культуры стали процессы исключения или смещения религии с занимаемых ею ролей в таких сферах общественной жизни, как наука, искусство, литература, философия. В результате секуляризации сознания [8] религия перестала выполнять функцию основного вектора, задававшего направление и цели жизненного развития, став, таким образом, личным делом каждого отдельного индивида.

Для описания характера произошедших метаморфоз в части религиозного мировоззрения некоторыми исследователями было предложено новое определение – «гражданская», или «приватная» религия, представляющая собой смесь из различных ритуалов, верований, взглядов и практик [9]. Данное обстоятельство, по мнению немецкого социолога Т. Лукмана, является прямым следствием стремления человека в удовлетворении своих потребностей в соприкосновении со сверхчувственным [10]. Индивиды получили возможность самостоятельно компилировать близкое своей картине мира религиозное мировоззрение из большого числа «высших смыслов».

В целом некоторые исследователи связывали процессы секуляризации с переходом общества от традиционных форм организации социума к индустриальным, капиталистическим формам, трансформировавшим отношения внутри общества. В результате персонифицированные отношения субъектов социальных отношений сменили деперсонифицированные формальные коммуникативные акты, что также негативно сказалось на роли религии как неотъемлемого элемента традиционного общества, хранителя традиций и источника информации о мире [11].

Немецкий историк религии и культуры Я. Ассман, хорошо известный своими работами в области концепции памяти, рассуждая над предложенным французским социологом Э. Дюркгеймом противопоставлением ритуального (сакрального) и повседневного (профанного), отмечает,

что для архаичных обществ не характерно их полное противопоставление как взаимоисключающих явлений. Скорее для такого рода обществ характерно выделение сакрального как структурированного из хаоса и беспорядка профанного [12, с. 62]. Однако, как отмечает Я. Ассман, ситуация меняется в процессе трансформации общества под влиянием процесса секуляризации, вследствие чего профанное получает собственную структуру.

Как отмечает австрийский социолог П. Бергер, секуляризация тесным образом связана с плюрализмом мировоззрений, утратой религией и религиозными организациями роли монополистов формирования картины мира, что неизбежно привело к снижению значимости и степени влияния данного института на общественную жизнь [13, с. 216]. Фактически, в секуляризованном обществе обязательность соблюдения ритуалов становится сугубо личным делом отдельного индивида. Одновременно в подобных обществах происходит процесс индивидуализации его членов: на фоне абсолютизации значимости и ценности отдельной личности отмечается утрата характерной для традиционного общества коллективности при совершении сакральных действий. В то же время, пусть и в упрощенном виде, индивидуальная «молитва» по-прежнему выполняет функцию связи с коллективной памятью, идентичностью и культурой социальной группы.

Таким образом, монополия производства смыслов и исторических интерпретаций в условиях секуляризации перешла от религиозных институтов к государству. Национальные государства в целях сохранения своей легитимности и консолидации общества, в свою очередь, приняли активную роль в переписывании истории. Следует отметить, что данная формулировка не несет в себе однозначно негативного смысла, учитывая наличие объективной необходимости со стороны государства в актуализации тех или иных событий прошлого, в наибольшей степени благоприятно сказывающихся на настоящем времени, позволяющих решать текущие задачи. В соответствии с подобными целями и происходит переоценка исторического прошлого.

Процессы глобализации

Глобализация, представляющая собой «объективный процесс унификации, становления единых для всей планеты Земля структур, связей и отношений в различных сферах общественной жизни» [14], также неизбежно оказывает серьезное влияние на механизмы создания коллективной памяти. Тесная интеграция различных сообществ, произошедшая интенсификация межкультурных контактов – всё это привело к трансформациям в поле коллективной и исторической памяти существовавших ранее в локальном формате сообществ.

В наибольшей степени данные процессы прослеживаются в связи с переходом человечества в состояние информационного общества, возникновение которого, в свою очередь, обязано глобализации и развитию информационных технологий в мире. Информационное общество,

обусловленное «новой ролью информации во всех сторонах жизнедеятельности, качественно новым уровнем производства, переработки и распространения информации» [15], привело к возникновению ситуации потери национальными государствами монополии на производство исторических интерпретаций. В результате создания глобальной сети Интернет и появления возможности получения информации по любым интересующим субъекта вопросам из различных источников во многих обществах произошел кризис официальных версий исторического прошлого и пересмотр содержания коллективной памяти. Национальные государства, таким образом, в значительной степени утратили свою монополию на этом информационном поле.

Учитывая данное обстоятельство, содержание спланирующей общество коллективной памяти оказалось под угрозой замещения различными потоками информации. В условиях погружения человечества в единое информационное пространство массовой культуры, у различных акторов появилась возможность транслировать альтернативные официальной версии исторического прошлого [16, с. 107]. В роли подобных источников информации в настоящее время могут выступать СМИ, лидеры общественного мнения, деятели сферы искусства, крупные корпорации, а также любые заинтересованные лица.

Одним из наиболее значимых для человеческих сообществ следствий глобализации является нивелирование значимости и потеря связи с традицией. В то же время, по мнению английского социолога Э. Гидденса, данный процесс не ведет к утрате потребности в наличии традиции как структурного элемента общественных объединений [17, с. 63]. Происходящие в условиях глобализации изменения в отношении к прошлому, настоящему и ожидаемому будущему неизбежно оказывают влияние и на религиозные сообщества. В условиях ускорения различных общественных процессов существовавшие ранее механизмы трансформации религиозного опыта в элементы социального регулирования, характерные для традиционного общества, оказываются неэффективными.

Проецируя предложенную Я. Ассманом концепцию коллективной памяти, включающей в себя коммуникативную память (воспоминания современников) и культурную память (своего рода утвержденный временем канон), на современный мир эпохи глобализации, можно сделать вывод об определенном изменении их ролей. Поскольку культурная память, выполняющая функцию своего рода цензора, отбирающего соответствующие канону сакральности элементы, не успевает обрабатывать огромные объемы информации, транслируемые через коммуникативную память, последняя постепенно начинает занимать доминирующие позиции, определяя ценность заложенных в канон принципов.

Религиозные сообщества в условиях глобализации оказываются в двойственном положении: с одной стороны, в условиях мировоззренческого плюрализма расширяются возможности для самоидентификации по различным ценностным основаниям, а с другой – актуализируется проблема сохранения собственной аутентичности через механизмы ло-

кализации. Поскольку в пространстве современного глобального мира происходят стирание и расширение границ, в том числе и границ памяти, сохранение роли цензора-монополиста со стороны различных социальных институтов представляется затруднительным. Если в доглобализационную эпоху в религиозной и политической (светской) памяти прослеживались серьезные различия в части способов конструирования представлений об историческом прошлом и основных узловых моментах в мемориальных конструкциях, то в эпоху глобализации между ними в определенной степени происходит стирание границ.

По причине того, что с началом протекания глобальных процессов сакральное перестало определяться исключительно через религию, традиционные религиозные сообщества были вынуждены решать задачу поиска соответствий узловых элементов своей коллективной памяти с государственной и иными версиями коллективной памяти. Наиболее ярко данный тезис иллюстрируется на примере соотнесения памяти о Великой Отечественной войне, являющейся, пожалуй, одним из наиболее значимых событий, использующихся для консолидации российского общества. Так, в систему коллективных представлений православных сообществ в контексте коллективной памяти были интегрированы представления и память о событиях войны, актуализированные государством. Характерным примером появления новой смысловой символической структуры в результате произошедшей интеграции различных версий коллективной памяти стало возникновение в информационном поле множества интерпретаций, в соответствии с которыми религия играла крайне важную роль в жизни фронтовиков [18].

Постсекуляризация и локализация

Интерес к религии возрастает в периоды кризиса и противоречий: словно в убежище, человек нуждается в ощущении своей причастности к какой-либо социальной группе, исповедующей ту или иную религию. Особенно ярко это проявилось в условиях глобализации, растворившей человека в общемировом пространстве, что привело к возникновению состояния кризиса идентичности.

Роль религии в системе современных международных отношений на первый взгляд не столь очевидна. В то же время периодически в информационном поле возникают события, актуализирующие значимость религиозной составляющей, как, например, исламский экстремизм, избрание папы Римского, обсуждение темы оскорбления чувств верующих, ношения хиджабов, преподавания основ той или иной религии в образовательных учреждениях, и т. п. Таким образом, религия, вне зависимости от своего положения и значимости для общества на конкретном историческом этапе существования человечества, является неизменным спутником человека.

Можно отметить, что религия в условиях глобализации и появления у национальных сообществ запроса на реидентификацию вновь стала объектом общественного интереса. Однако, несмотря на то что религия

связана с традицией и занимает в структуре культуры одно из наиболее значимых мест, характер погружения в нее со стороны представителей социальных групп в современную эпоху изменился. Всё чаще среди представителей различных конфессий обнаруживается формальное отношение к религиозным нормам и ценностям. В связи с этим некоторые исследователи используют такие понятия, как «безрелигиозное христианство», «секулярная теология» и т. п.

Рассуждая о современном положении религии в обществе, исследователи всё чаще используют понятие «постсекулярное», понимаемое как процесс актуализации и возрождения религиозного дискурса, ценности религиозного опыта человека в секулярном мире [19]. Следует отметить, что, по мнению некоторых ученых, процесс секуляризации в большей степени относится к странам, исповедующим католичество и протестантизм, нежели ислам, иудаизм и православие [20]. Кроме того, в результате миграционных процессов в Европе и появления в западных странах большого числа мигрантов, исповедующих ислам, отмечаются процессы актуализации религиозных оснований христианства.

Во многом наличие данной тенденции может быть объяснено появлением обратного глобализационному – вектора, направленного на локализацию социальных групп, вынужденных обращаться к собственным традициям в поисках своей истинной идентичности и в условиях интенсификации международных межкультурных контактов. Так, американский социолог Р. Робертсон вводит в научный лексикон определение данного разнонаправленного процесса, получившего обозначение «глокализация» [21]. Наличие данных процессов также совпадает с обращением внимания исследователей процессов глобализации к культуре. Таким образом, традиция и религия, в определенной степени, заново получают утраченную значимость.

В современном мире прослеживается наличие определенной зависимости государственных институтов от религиозных представлений и институтов. Церковь пытается принимать активное участие в качестве источника различных интерпретаций исторического прошлого, оказывая, таким образом, влияние на коллективную память. Кроме того, значимость религиозной сферы в современном мире постоянно подчеркивается через деятельность мусульманских сообществ, в условиях глобализации, а также вследствие проводимой политики мультикультурализма и толерантности, ставших непосредственными участниками социальных отношений в странах западного мира. В целом, в глобальном мире, опутанном бесчисленным числом различных информационных каналов, образующих единую информационную сеть, становится невозможным игнорирование каких-либо явлений социальной жизни.

Тем не менее важно подчеркнуть, что при рассуждении о процессах секуляризации или постсекуляризации следует учитывать то обстоятельство, что предложенная модель в большей степени относится к европейскому обществу и может быть спроецирована на весь остальной мир весьма условно. Это не позволяет абсолютизировать заложенные в дан-

ные концепции принципы и идеи. Для XX и XXI столетий характерны процессы увеличения числа различных религиозных течений, обусловленные наличием в обществах состояний мировоззренческого плюрализма, чему в особенной степени поспособствовали процессы глобализации и информатизации, послужившие основаниями для возникновения единого информационного пространства.

В заключение скажем следующее.

Коллективная память в текущих условиях продолжает занимать одно из центральных мест, как базовый элемент процесса реидентификации национальных сообществ в условиях глобализации. Религиозные институты в настоящее время, как и государственные органы, оказываются включенными в процессы создания мемориальных конструкций, однако их значимость может различаться в зависимости от типа и состояния конкретного общества. Характерным примером здесь являются восточные и западные страны. В то же время нельзя игнорировать наличие тенденции к актуализации потребности в поиске и воссоздании традиции, которая, в свою очередь, прямо связана с религией. Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на стремительное развитие мировой цивилизации, в особенности, информационных технологий, значимость религиозных аспектов при формировании коллективных представлений социальных образований о своем прошлом в ближайшее время вряд ли можно будет игнорировать.

Литература

1. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс. – М. : Новое изд-во, 2007. – 348 с.
2. Зенкин С. Н. Морис Хальбвакс и современные гуманитарные науки / С. Н. Зенкин // Социальные рамки памяти. – М. : Нов. изд-во, 2007. – С. 7–26.
3. Бурдые П. Социальное пространство : поля и практики / П. Бурдые. – СПб. : Алетейя, 2005. – 576 с.
4. Астахова Л. С. От религиозного опыта к религиозным практикам : очерки современного религиозного опыта / Л. С. Астахова. – Казань : Отечество, 2011. – 148 с.
5. Кононенко Б. И. Большой толковый словарь по культурологии / Б. И. Кононенко – М. : Вече : АСТ, 2003. – 509 с.
6. Weber M. The Sociology of Religion / M. Weber. – Boston, 1971. – 270 p.
7. Сафронов Р. О. Секуляризация, постсекулярное и «Идеальные верующие» / Р. О. Сафронов // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2015. – № 3. – С. 131–142.
8. Berger P. L. The Social Reality of Religion / P. L. Berger. – Harmondsworth, 1969.
9. Berger P. L. The Homeless Mind. Modernization and Consciousness / P. L. Berger, B. Berger. H. Keller. – N.Y., 1973.
10. Luckmann T. The Invisible Religion : the Problem of Religion in the Modern / T. Luckmann. – N.Y., 1973.
11. Wilson B. R. Religion in Sociological Perspective / B. R. Wilson. – Oxford, 1982.

12. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. – М. : Яз. славян. культуры, 2004. – 363 с.

13. Бергер П. Священная завеса. Элементы социологической теории религии / П. Бергер. – М. : Новое лит. обозрение, 2019. – 216 с.

14. Чумаков А. Н. Глобализация как естественно-исторический процесс / А. Н. Чумаков // Российское философское общество. – URL: <https://rfo1971.ru/wp-content/uploads/2018/09/СНумakov-A.N..pdf>

15. Словарь по политологии / под ред. проф. В. Н. Коновалова. – Ростов н/Д. : Изд-во РГУ, 2001. – 285 с.

16. Арутюнян К. С. Элементы информационного общества как факторы управления общественным сознанием / К. С. Арутюнян // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Философия. – 2019. – № 3. – С. 105–111.

17. Гидденс Э. Ускользающий мир : как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. – М. : Весь мир, 2004. – 116 с.

18. Неподкосов С. Бог войны / С. Неподкосов // Совершенно секретно. – URL: <http://www.sovsekretno.ru/articles/id/4492>

19. Habermas J. Notes on a Post-secular Society / J. Habermas // New perspectives quarterly. – Los Angeles, CA, 2008. – Vol. 25, № 4. – P. 17–29.

20. Эпштейн А. Д. Секуляризация и ее пределы : самосознание и свобода совести в эпоху конфликта цивилизаций / А. Д. Эпштейн // Локус : люди, общество, культуры, смыслы. – 2015. – № 2. – С. 88–109.

21. Robertson R. Globalization : Social Theory and Global Culture / R. Robertson. – London, 1992. – 211 p.

Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН)

*Стычинский М. С., кандидат философских наук, научный сотрудник
E-mail: mstychinskii@gaugn.ru*

State Academic University for the Humanities (GAUGN)

*Stychinskii M. S., Candidate of Philosophical Sciences, Researcher
E-mail: mstychinskii@gaugn.ru*